

Максимилиан Александрович Волошин

Итоги П. Д. Боборыкина

Максимилиан Александрович Волошин

Из книги «Современники»
(сборник)

*Часть сборника
Из книги «Современники»
(сборник)*

Максимилиан Александрович Волошин

Итоги П. Д. Боборыкина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22832370

Аннотация

«У многих русских читателей существует иллюзия, что русская литература очень внимательно следит за жизнью Запада, что все более или менее выдающееся там тотчас же бывает отмечено, переведено и издано у нас...»

Максимилиан Волошин

Итоги П. Д. Боборыкина

У многих русских читателей существует иллюзия, что русская литература очень внимательно следит за жизнью Запада, что все более или менее выдающееся там тотчас же бывает отмечено, переведено и издано у нас.

Эта иллюзия мне знакома. Я разделял ее, пока, прожив много лет во Франции, не убедился в том, что необходимо по крайней мере пятнадцать, двадцать лет для того, чтобы все действительно значительное достигло страниц русских газет и журналов. Я говорю только о *настоящем* искусстве, потому что произведения второсортные переводятся тотчас же, – разные Генрихи Манны, Бласко Ибаньесы, Марсели Прево и др. – сразу выходят в полных собраниях сочинений. И это – вина не только издателей, подделывающихся под дурные вкусы публики, но и вина осведомителей, т. е. тех русских писателей, которые, живя на Западе, следят за движениями мысли и сообщают о них в русских журналах.

Образец – книга П. Д. Боборыкина «Столицы мира» (Тридцать лет воспоминаний о Париже и Лондоне).

«Автор этой книги – русский человек второй половины XIX века, который был поставлен в особо благоприятные условия для продолжительных наблюдений и жизненных испытаний на Западе», – говорит он сам в предисловии и выра-

жает надежду, что эта книга «Итогов» вызовет в людях «более молодых поколений» «более широкое и беспристрастное отношение ко всему тому, что великие лаборатории европейской культуры – Париж и Лондон – давали всем нам в прошлом веке, дают и теперь». Действительно, по своей репутации человека разносторонне образованного, ко всему любопытного, романиста, схватывающего последний крик современности, убежденного западника, неутомимого путешественника П. Д. Боборыкин кажется предназначенным для роли осведомителя о последних течениях духовной жизни Запада.

Боборыкин жил в Париже годами, всегда интересовался вопросами мысли и искусства и некоторые области, как театр и роман, изучил систематически. Мы вправе ожидать от него действительного знания европейской культуры за последние полвека.

Но если отрешиться от всего литературного облика Боборыкина, забыть все случайно о нем известное и только внимательно вслушаться в тембр голоса и в интонации стиля автора этих «Итогов», кого мы увидим?

Это говорит человек пожилой, со средствами, путешествовавший по Европе всю жизнь, обладающий самоуверенностью и самомнением, любящий комфорт отелей, обладающий положительной эрудицией по части ресторанов, человек с твердыми и постоянными убеждениями в том смысле, что раз усвоенная им чужая теория навсегда засаривает

его мозг и не допускает туда проникновения каких бы то ни было новых идей, – словом, один из тех умов, для которых воспринятая в молодости истина становится болезнью, вроде идейного запора; разумеется, это «эгоист вполне», глубоко равнодушный ко всем людям, но любопытный до житейских обстоятельств: кто на ком женат, кто с кем живет, кто сделал какую гадость, и любящий, когда зайдет разговор о деятельности или творчестве известного человека, сейчас же припомнить несколько ходовых сплетен и инсинуаций; дальше этой осведомленности да неблагоприятной заметливости относительно некоторых черточек поведения – его знание человека не идет. Доминирующее чувство в его отношении к людям, это – пренебрежение. Из воспоминаний его явствует, что он презирает прежде всего всех тех, кто обращался с ним любезно, всех, кто младше его возрастом, всех, кто придерживается иных убеждений, чем он, и, кроме того, всех знаменитостей, которые имели несчастье с ним познакомиться до начала их славы. С уважением относится он только к тем, кого знал в годы своего учения, до тридцати лет, т. е. Литтре, Ренану, Тэну, Клоду Бернару; уважает и англичан вообще, особенно Спенсера и Стюарта Милля. Но уважает уже настолько, что отмечает, например, как событие, что в 1868 г., он сидел в расстоянии двух сажен от д'Израэли, по другую сторону в таком же расстоянии сидел Гладстон (стр. 158). И больше ничего не было: только сидели, ничего не говорили и, по-видимому, даже с Боборыкиным не были знакомы. Но

потом он расспросил депутатов и узнал, что д'Израэли красит волосы и часто ходит в буфет подкреплять себя рюмками хереса, «будто бы даже с прибавкой каплець опиума».

Что же касается французов, которые, как он сам не раз повторяет, принимали его гораздо любезнее, чем англичане, то он каждого из своих добрых приятелей старается чем-нибудь запачкать и скомпрометировать. О Гонкурах он спешит сообщить, что их пьесу освистали, потому что считали их «прихвостнями принцессы Матильды»; Гамбетте не может забыть, что знал его безвестным адвокатом, когда тот жил еще на шестом этаже, где Боборыкин был и видел его тетку, которую принял за бонну... «Так она была одета и таким тоном говорила» (стр. 124). В Жюле Валлэсе он нашел «якие и малосимпатичные черты парижской литературной богемы, с раздутым сознанием своих авторских дарований». Видит ли он славного и несчастного Курье как подсудимого, во время трагического суда над коммунарами в Версале, – для него он «прославил себя тем, что руководил работами при низвержении Вандомской колонны. Жирная фигура с сонным добродушным лицом» (стр. 148). Вот отзыв про Клемансо: «Хорошо, что Гамбетта умер не своевременною смертью. Может быть, и он кончил бы так же, как кончали на наших глазах вожаки радикального большинства палаты, например Клемансо... Ведь он одно время считался чуть ли не тайным диктатором... А *каким* я его нашел после того, как он провалился на выборах, в тесном, невзрачном поме-

щении газеты „Justice“» (стр. 152). У Бобрыкина есть наивная убежденность в том, что из всех тех, кто были с ним знакомы, ничего порядочного выйти не может. Ив Гюйо – министр публичных работ. «Да, этого Гюйо я знаю уже сорок лет... Бесшабашный газетный строчила. Мы с ним вместе были в одном литературном обществе!» (стр. 155). Локруа – морской министр? Да, ведь его первоначальной карьерой было сочинение водевилей, и женился он на вдове одного из сыновей Гюго... (стр. 156). Дюма-сын? – Он же был женат на русской даме, которую московские старички еще и до сих пор помнят, и весь дом его, и дочь хозяйки от первого брака и с теми, что родились от Дюма, производил впечатление чего-то разношерстного, и обвенчался-то он с ней чуть ли не «*in extremis*» {Перед самой кончиной (*лат.*)}, (стр. 169), Поэтесса madame Аккерман – «производила впечатление разносторонне развитой кумушки со своим ридикулем» (стр. 179). Золя из первого гонорара купил перстень в 500 франков. Альфонс Доде? Как же! – Я к нему пришел как раз в тот момент, когда его жена собиралась родить. Ее хорошенькое личико смотрело уже изнуренным; он показался мне истым чадом литературной богемы (стр. 188). А Мопассан все хвастался необычайным эротизмом и умер совершенным буржуа-сексуалистом, далеким от каких бы то ни было возвышенных порывов и чувств (стр. 190). Верлэн? – В бульварной прессе его скандальные нравы уже не отвлекали, а возбуждали нездоровое и все возраставшее

любопытство (стр. 193). Анатоль Франс? – Многие молодые люди высоко ценят талант, манеру и замыслы его беллетристических вещей. Он успел себе завоевать имя и как литературный критик. Некоторые из моих парижских приятелей не раз предлагали мне познакомиться с ним; но как критика я не считал и до сих пор не считаю его носителем каких-нибудь новых идей и приемов, а в беллетристике его вижу талантливую игру в какой-то двойственный, полумистический, полупорнографический сексуализм (стр. 200). Жюль Леметр? Он ведь еще не так давно был безвестным учителем лица в провинции. Успел уже очутиться в академиках и разменялся на медные деньги дилетантства. Поль Адам? Да вы знаете, что дело дошло до того, что этот самый Поль Адам весною 1895 г., в литературном журнале «Revue blanche» цинично напечатал формальную защиту нравов английского писателя Оскара Уайльда по поводу его приговора к двухлетнему тюремному заключению. «Это извращение нравственных устоев доходит прямо до садизма...» (стр. 201). В кабаре «Chat poire», бывшем школой целого поколения поэтов и художников, Боборыкин видит «дорогой кафешантан, выработавший особый вид зубоскальства и претенциозной эксцентричности на самые скабрёзные темы; там часто дебютировали сами сочинители слов и музыки перед избранной публикой виверов обоего пола, писателей, туристов и кокоток высшего и среднего полета (стр. 277). Путешественник Станлей? Ведь это же мой товарищ по газетной кампании 1869 г. в Испании!

Богатый человек, живет открыто, делает приемы... Вот чего может достичь простой газетный корреспондент, вдобавок с очень малым образованием и с обыкновенным умением владеть пером» (стр. 309).

И на какой бы странице мы ни раскрыли этот толстый убогий том «итогов», везде и всюду мы найдем такие же словечки и замечания. Он знал всех выдающихся мыслителей, литераторов и художников Европы за полвека и не научился говорить о них тоном иным, чем тот, которым петербургские чиновники говорят о служебных карьерах своих сослуживцев.

Итоги П. Д. Боборыкина о тех людях, с которыми он встречался, – убийственны для него.

«Столицы мира» помечены 1912 годом. Фактически они обнимают время с 1865 по 1895 г. «То, что дали самые последние годы прошлого столетия и самые первые ХХ, – предупреждает он, – прибавило бы мало существенного к этим тридцатилетним *итогам*. Я мог бы их дополнить до настоящей минуты. Но я этого не сделаю потому, что моя книга представляет уже нечто вроде исторического *документа*. Поэтому я только изредка ставлю поправки о некоторых деталях, изменившихся за последние десять лет».

Если же, прочтя эти строки, принять в соображение, что именно за эти 17 лет (с 1895 по 1912 г.) Франция пережила полную революцию в области литературы и живописи, а в области научной мысли вступила под новый знак, то мы

ясно поймем, почему надо по крайней мере 15–20 лет, чтобы наши знатоки западной культуры успели нас известить о последних новостях идейных течений.